

Глава XIII

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА ПЛЕХАНОВА

В 1917 году

В политическом развитии Плеханова в 1917 г. наблюдался сдвиг вправо. Когда 13 апреля 1917 г. Плеханов прибыл в Россию, ему были оказаны все внешние почести, включая почетный караул и красноречие словоохотливых меньшевистских лидеров — Чхеидзе, Церетели и других, приветствовавших его от имени Петроградского Совета.

Однако политика поддержки империалистической войны и соглашения с русской буржуазией была столь откровенной и непопулярной среди рабочих, что даже лидеры меньшевистско-эсеровского блока избегали контакта с ним, опасаясь потерять влияние среди рабочих. Плеханов соглашался быть министром коалиционного правительства, но ему пришлось довольствоваться ролью председателя комиссии, занимавшейся вопросами заработной платы железнодорожников¹. Его имя было настолько непопулярно, что меньшевистско-эсеровский исполком Петроградского Совета предложил ему лишь совещательный голос, от которого он отказался.

Плеханов стал во главе крохотной и беспринципной группы «Единство», бесплодно пытавшейся объединить под своим знаменем мелкобуржуазные группировки. Он совершенно не понял исторического значения Апрель-

¹ См. Г. Наумов. Г. В. Плеханов. Киев, Изд-во «Жизнь», 1919, стр. 81.

ских тезисов В. И. Ленина. А между тем, как писал Ленин в апреле 1917 г., народные массы создают в лице Советов новую форму государства, не дожидаясь того, когда «педанты и рутинеры мелкобуржуазной «социал-демократии», вроде г. Плеханова или Каутского, откажутся от их искажения учения марксизма по вопросу о государстве»², а именно от фетишизации буржуазной республики, ее парламентаризма.

В новой обстановке 1917 г. Плеханов цеплялся за политические установки 1905 г., ставшие для него традицией³. Демонстрируя свою принципиальность и неизменность своих взглядов, он даже в 1917 г., в радикально изменившейся политической ситуации, повторял старые формулы и ту полукадетскую оценку буржуазно-демократической революции, которую он дал еще в 1905 г. Он упорно игнорировал новые явления в жизни России и прежде всего то первостепенное обстоятельство, что буржуазно-демократическая революция уже совершилась, рабочий класс за истекшие 12 лет стал политически более зрелым, а Россия — экономически более подготовленной для социалистических преобразований.

Но всего этого недостаточно для объяснения того, почему экономическая платформа Плеханова в 1917 г. оказалась столь куцей, фактически буржуазной и свелась к призывам пойти на выучку к капитализму для трезвой, «культурной работы» на благо Колупаевых и Разуваевых. На самом деле в 1917 г. Плеханов пошел еще дальше вправо, и это может быть доказано материалами его публицистики.

Еще весной 1915 г. Плеханов признавался, что с его точки зрения «может быть, наша конечная цель дальше от нас, нежели мы думали»⁴.

Позднее же, в 1917 г., он вполне был удовлетворен событиями «славной мартовской революции» и считал, что эту революцию надо беречь, а не углублять. Плеханов испытывал какой-то панический страх перед гражданской войной в России, а тем более диктатурой пролетариата. Он выражал сожаление об отставке Гучкова и Корнилова, а после открытого выступления корниловцев с оружием в руках против революции считал необходимым

² В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 47.

³ «Единство», 1917, № 99.

⁴ Г. В. Плеханов. О войне, изд. 2, стр. 85.

защищать их в своей газете, требуя для обвиняемых «по делу названного выступления» всех законных «средств самозащиты». В целой серии своих статей Плеханов занимался реабилитацией кадетов, заявляя, что если многие «контрреволюцию нередко ищут в кармане П. Н. Милюкова», то «там ее не найдут», хотя сам же вынужден был потом писать об адвокатах Корнилова, выступавших на страницах кадетской «Речи»⁵.

По его мнению, «эти неудачные статьи» не имели контрреволюционного содержания. Он допускал лишь возможность «бессознательного сотрудничества» кадетов с контрреволюцией, аргументируя тем, что эта «партия народной свободы сама была нелегальной при нашем старом порядке» и «приняла горячее участие» в низвержении царского правительства. Плеханов и в сентябре 1917 г. доказывал, что несправедливо было бы «делать целую партию ответственной за 2—3 статьи» в ее органе, и по-прежнему настаивал, что кадетская партия «не будет уличена в преступном содействии корниловскому мятежу». Больше того, он писал, что не видит «разницы между теми, которые скомпрометировали себя в глазах закона участием в корниловском наступлении, и теми, которые находятся под следствием по делу о беспорядках 3—5 июля». Он приветствовал рукопожатие Бубликова — Церетели на Московском совещании и доказывал, что вообще «наш промышленный класс не заражен духом реакции»⁶.

Весьма наглядное представление о том, насколько далеко Плеханов в 1917 г. зашел вправо, дают его тошнотворные призывы к пролетариату о примирении с буржуазией. Он просто идеализировал последнюю и ухаживал за ее лидерами, доказывая вред классовый борьбы в России 1917 г., поскольку эта борьба не самоцель, а «только средство для защиты классовых интересов». Он предлагал переименовать «буржуев» в «торгово-промышленный класс», гордился тем, что сам говорит «с буржуазией тоном серьезной и спокойной деловитости», и призывал российский пролетариат последовать этому примеру. Возлагая свои упования на Керенского, он искал в 1917 г. «разрешение двух враждебных противопо-

⁵ «Единство», 1917, № 18, 28, 20, 131, 129.

⁶ «Единство», 1917, № 135, 144, 123.

ложностей», т. е. противоречий между пролетариатом и буржуазией, на почве их соглашения, «в широкой системе социальных реформ», представляющих собой «незаменимое условие... развития производительных сил». Плеханов предлагал требовать уступок от торгово-промышленного класса, но сам смиренно просил их, ссылаясь на то, что «в каждой стране самой драгоценной производительной силой является ее трудящееся население»⁷. Он, следовательно, аргументировал ценностью рабочей силы пролетариата в сфере производства, где она является достоянием буржуазии, вместо того, чтобы указать на его политическое значение, удельный вес в политической жизни. Плеханов ссылаясь на добротность того товара, который буржуазия получала от рабочих, и в экономических интересах фабрикантов искал точки опоры для политики социального компромисса, уговаривая буржуазию встать на путь социальных реформ. Плеханов начинал ее учить политическому такту и политике уступок, заявляя фабрикантам и заводчикам, что в их «собственных интересах необходимо искать сближения с пролетариатом». На склоне лет Плеханов превратился в политического наставника тузов российского капитала, причем даже воинственные выступления их представителя — миллионера Рябушинского — с «истерическими призывами к борьбе» не смущали основателя группы «Освобождение труда». В ответ на это Плеханов считал нужным требовать сознательности от русской буржуазии и рекомендовать самокритику «нашему торгово-промышленному классу», сожалея о том, что он «не считался даже со своими собственными интересами».

Выступая в одиозной роли ангела-хранителя интересов буржуазии, он неустанно разъяснял ей эти последние, указывая на пример передовых капиталистических стран, где «наемный рабочий, живущий в лучших материальных условиях, оказался более производительным даже «с чисто капиталистической точки зрения», а «дешевая» рабочая сила оказалась дорожее «дорогой»⁸. Он не замечал при этом, что сам рассуждал как раз «с капиталистической точки зрения» и брал на себя контрреволюционную роль среди рабочего класса России.

⁷ «Единство», 1917, № 115.

⁸ «Единство», 1917, № 112, 110, 111.

Плеханов жалел, что, «разочаровавшись в революции, известная часть наших предпринимателей начинает отрицательно относиться к таким мероприятиям правительства в области социальной реформы, которые не только вполне согласимы с существованием капиталистического способа производства, но прямо необходимы для его развития в широком современном масштабе». Он неизменно исходил из той навязчивой мысли, будто русская буржуазия и в самом деле довольна революцией 1917 г. Пресмыкаясь перед буржуазией, Плеханов обращался к рабочим России с евангельским поучением на тему «будьте кротки, как голуби, и мудры, как змии».

Издеваясь над азбукой марксизма, Плеханов доказывал, что поскольку «из противоположности интересов буржуазии и пролетариата вовсе не следует, будто пролетариату всегда выгодно вредить буржуазии», как показывает движение разрушителей машин, то пролетариату следует ориентироваться на соглашение с ней, тем более что в условиях развитого капитализма «еще легче отметить случаи совпадения интересов пролетариата с интересами буржуазии»⁹. Следовательно, с точки зрения Плеханова по мере развития капитализма возможности примирения пролетариата с буржуазией все больше возрастают. Спекулируя все время на возможности такого случая, когда интересы пролетариата и буржуазии в чем-либо совпадают, он предлагал возвести это совпадение в норму, определяющую их отношения. Плеханов патетически спрашивал: «Неужели интересы рабочих всегда и во всем противоположны интересам капиталистов?». Как проповедник социального мира, он решительно утверждал, что, «когда речь заходит о сбыте произведений промышленности, тогда интересы наемных рабочих могут совпасть с интересами предпринимателей», так как расширение сбыта увеличит прибыль последних, их спрос на рабочую силу и повысит заработную плату рабочих. В этой области, по его мнению, естественно, возникает «уже не борьба классов, а их сотрудничество»¹⁰. Значит, тоска Плеханова в 1917 г. по «социальному миру» вовсе не объяснялась мотивами

⁹ «Единство», 1917, № 99, 100.

¹⁰ «Единство», 1917, № 47.

конъюнктурного характера, требованиями «текущего момента», раз основу для примирения пролетариата с буржуазией он искал в самой экономике капитализма, его существенных особенностях.

При этом расширение социальной базы русской революции он допускал только за счет буржуазии и в последний день августа 1917 г. писал в своей газете, обращаясь к правительству: «Расширяйте социальную основу своей политической власти; привлекайте в свою среду действительных представителей торгово-промышленного класса. Сим победите!». Плеханов тенденциозно игнорировал подлинно революционные слои населения России и из уроков корниловщины делал тот парадоксальный вывод, что опору для революции следует искать среди контрреволюционной буржуазии. Больше того, интересы этой буржуазии он признал лимитом революционных требований пролетариата в 1917 г., так как рабочим, по его мнению, нельзя было «требовать от торгово-промышленного класса, чтобы он перестал быть торгово-промышленным классом и перешел на пролетарскую точку зрения». Классовые интересы буржуазии Плеханов делал какой-то святыней, которая могла ограничивать революционную активность пролетариата. У последнего, согласно концепции Плеханова, вовсе «не должно быть таких требований, которые неприемлемы для представителей других классов»¹¹.

Ошибками было бы полагать, будто Плеханов, как утверждали некоторые «комментаторы» его произведений, просто «потерял голову» в калейдоскопе событий 1917 г. или стал жертвой навязчивой идеи единства всех демократических элементов страны. Ведь его эволюция вправо резко обнаружилась также в явно оппортунистической оценке явлений, происходивших далеко за пределами России. Так, свое преклонение перед английской конституцией он довел до крайности, объявив ее самой демократической в Европе, образцом европейской демократии, учительницей «всего цивилизованного мира»¹².

Само собой разумеется, что, эволюционируя вправо, Плеханов не мог в раскаленной атмосфере 1917 г. оста-

¹¹ «Единство», 1917, № 129, 144, 30.

¹² «Единство», 1915, № 5, 22.

ваться лишь в сфере чисто платонических рассуждений о пользе коалиций и примирении враждебных классов. Он, естественно, выдвигал практические требования, и в них-то особенно резко сказывались новые тенденции в его политической ориентации. Практические требования Плеханова как ренегата делали более осязательными и неприглядными его «новейшие» политические установки. Он и эсеры находил слишком революционными, а в вопросах аграрной политики, как уже отмечалось в одной из предыдущих глав, выступил с кадетскими предложениями о выкупе помещичьих земель (во избежание нищеты бывших дворян) и об установлении неприкосновенного минимума крестьянской собственности на землю.

Все эти кадетские рассуждения Плеханова неизбежно перерастали в практические лозунги борьбы с социалистической революцией под знаменем парламентаризма, чисто буржуазной демократии. Лозунг диктатуры пролетариата Плеханов подменял лозунгом «революционной диктатуры организованного народа» и категорически отвергал предложение о создании правительства «рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», как опасное осуществление программы Ленина. Больше того, он не одобрял даже создания так называемого предпарламента, выражая опасения, что последний может ущемить права тех, кто не согласен с «революционной демократией»¹³. Он выступал вновь и вновь в защиту политических прав буржуазии, отвергая всякое посягательство на них, хотя на самом деле этот предпарламент предназначался для ограничения политических требований рабочих, их умиротворения.

Зато Плеханов тосковал о «твердой власти» и реформах, выработанных на основе «соглашения между революционной демократией и торгово-промышленной буржуазией». Эти реформы должны стать «лучшим средством борьбы с распространением утопических лозунгов в среде русского пролетариата». Он предупреждал русскую буржуазию об угрожающей ей революционной опасности и поучал 7 июля партию кадетов, что, уйдя из правительства, «она тем самым увеличила шансы победы ленинской тактики». 9 августа он доказывал

¹³ «Единство», 1917, № 86, 142.

буржуазии, что всякое промедление с осуществлением социальных реформ «крайне опасно», так как ведет к революционизированию рабочего класса России¹⁴.

Плеханов прямо выдвигал лозунги борьбы с идеей социалистической революции и предлагал «вести свою пропаганду и агитацию так, чтобы под их влиянием народ не вообразил, будто ему не остается ничего другого, как теперь же попытаться сделать социалистическую революцию». Так как именно большевики являлись реальными носителями этой идеи, то Плеханов не останавливался даже перед инсинуациями всякого рода по их адресу. Он вновь и вновь призывал буржуазное правительство к политике репрессий в отношении большевистской партии, пытаясь аргументировать правом «демократического большинства» на самозащиту, необходимостью «как можно решительнее противопоставить силе силу», заменять оружие критики критикой «посредством оружия». Он оправдывал репрессии задачей борьбы с анархией, усваивая старомодную терминологию реакционного свойства, с точки зрения которой всякое революционное выступление народа является неизбежно анархией. Плеханов приветствовал воинственные заявления Керенского о широкой политике репрессий после Московского совещания¹⁵.

Круг явно замыкался, и Плеханов катился по наклонной плоскости меньшевизма в лагерь контрреволюции. Больше всего он писал в 1917 г. о добродетелях «единства революционной демократии», выступая против углубления революции, в пользу коалиции с буржуазией. Но он готов был пожертвовать этим единством, если последнее поведет к упрочению власти пролетариата в России, и прямо заявлял, что в таком случае «несравненно лучше было бы, если бы на его месте водворилось разъединение». Не случайно поэтому народные массы считали, что газета Плеханова «противоречит рабочему и крестьянскому классу», как утверждал в своем письме из Ревеля матрос Степан Кокотко¹⁶.

В 1917 г. Плеханов довольно часто апеллировал к своим революционным заслугам прошлых десятилетий, однако это не оправдывало его ренегатства и совершен-

¹⁴ «Единство», 1917, № 123, 111, 83.

¹⁵ «Единство», 1917, № 69, 157, 81, 85, 123.

¹⁶ «Единство», 1917, № 147, 31.

но явной эволюции вправо. Ведь даже на государственном совещании в Москве, произнося ультраоппортунистическую, кадетскую речь под лозунгом социального мира, он доказывал, что всегда «был революционером и только революционером». В своем «Открытом письме к петроградским рабочим» Плеханов утверждал, что слухам относительно его перехода на сторону буржуазии может поверить лишь только тот, кто не имеет «ни малейшего понятия о психологии», и ссылаясь на то обстоятельство, что уже с начала 80-х годов им руководила «одна политическая мысль, мысль об историческом призвании пролетариата вообще и русского пролетариата в частности»¹⁷.

Но эти клятвенные заверения не изменяли положения вещей, и революционные заслуги в прошлом не исключали либерально-кадетских установок в настоящем. Махровый оппортунизм Плеханова в 1917 г. явно перерастал в нечто большее, чем политическая ошибка доктринерского происхождения. Плеханов неизбежно оказывался по другую сторону баррикад. Правда, эта неприглядная перспектива показалась слишком одиозной для самого Плеханова и, как отмечалось раньше, он отказался в октябре 1917 г. от вооруженной борьбы с Советской властью, зачеркнув практически все то, что написал за год. Вопреки логике своей публицистики 1917 г. он вынужден был ретироваться с поля боя, хотя многое при этом объяснялось его тяжелой болезнью. Во всяком случае сам Плеханов в великие дни Октября 1917 г. молчаливо признал банкротство своей политической концепции, в том числе и экономической платформы. Ее фиаско он замечал еще и летом этого года, жалуюсь на то, что широкие массы пролетариата и крестьянства слишком плохо воспринимают его лозунги и ему приходится повторно вновь и вновь разъяснять одно и то же, делая все новые и новые попытки «принудить читателя к пониманию наших взглядов»¹⁸.

Основные линии его идейной эволюции определялись дальнейшим сползанием вправо. Это — капитальный факт политической биографии Плеханова в 1917 г., объясняющий, почему его экономическая платформа тогда

¹⁷ «Единство», 1917, № 173.

¹⁸ «Единство», 1917, № 63, 65, 66, 67.

оказалась буржуазной и свелась к проповеди примирения с господством в России хищников капитала. Не случайно поэтому в 1917 г. фамилия Плеханова фигурировала в подготовлявшемся тогда списке корниловских министров наряду с Родзянко, Третьяковым, Керенским, Ладыниным. Впрочем, к чести его следует отметить, что когда начались события Великой Октябрьской социалистической революции, то Плеханов отказался участвовать в активной борьбе против Советской власти, несмотря на прямые предложения Савинкова от имени Керенского. Плеханов считал, что большевики взяли власть надолго и ни о каком серьезном сопротивлении большевикам не может быть и речи¹⁹.

Смертельно больной, он не мог уже участвовать в политической жизни и умер в 2 часа 30 мая 1918 г. в санатории доктора Циммермана²⁰ около станции Териоки (по Финляндской железной дороге). Он похоронен 9 июня на Волковом кладбище в Петрограде рядом с могилой Белинского, в соответствии с пожеланием самого Плеханова. В похоронах участвовала главным образом интеллигенция столицы (меньшевики, либералы).

О политическом крушении Плеханова в меньшевистский период и особенно в период Великой Октябрьской социалистической революции ярко свидетельствует однодневная газета «Памяти Г. В. Плеханова», выпущенная его сторонниками в день похорон своего учителя. Оказывается, что в собиравшийся тогда «фонд Плеханова» деньги вносили такие категории населения, как телеграфисты Николаевской железной дороги, зубные врачи, фельдшерицы, служащие Сибирского банка, аптек, Геологического комитета, страхового общества и т. д., но вовсе не рабочие Петрограда. Что же касается статей плехановских литераторов, то они поражают своим пустословием и фракционным бахвальством. Так, например, В. Канторович утверждал в своей статье «Великий западник», что в «истории русского рабочего движения Плеханов — наш Петр Великий», а «Россия в 1917 г. не доросла до Плеханова». Ст. Иванович писал, что Плеханов обладал редким «терпением к законам историче-

¹⁹ См. Н. Иорданский. Октябрьские дни и Плеханов. «Пролетарская революция», 1922, № 3, стр. 251.

²⁰ См. Н. Иорданский. Основоположник русской революции. «Историко-революционный вестник», 1922, № 1, стр. 5.

ского развития» и «шел впереди истории», но «не таща ее за шиворот».

Эволюция экономических взглядов Плеханова нашла свое завершение в его экономической платформе 1917 г. Поэтому характеристика последней, естественно, должна стать заключительной главой всякой работы, посвященной анализу экономических воззрений Плеханова, особенно в меньшевистский период его идейной эволюции. Ведь в этой платформе обнаружились все особенности экономических взглядов Плеханова, так как ему приходилось решать вопросы первостепенной важности, поставленные грандиозными событиями революции 1917 г. Эти проблемы неизбежно вставали перед ним в ходе политической борьбы, навязывались ему идейными конфликтами текущего момента и требовали того или иного ответа. Актуальные вопросы экономической жизни тогдашней России неотступно преследовали каждого, кто собирался высказать свое суждение относительно политической ситуации в стране и перспективах ее революции. Политические проблемы революционной России неизменно переплетались с экономическими, и, анализируя первые, Плеханов, естественно, затрагивал и последние. В результате политическая публицистика Плеханова в 1917 г. оказалась насыщенной многочисленными экскурсами в область экономических проблем. Плеханов фактически развивал определенную программу экономической политики. Выяснение существенных черт его экономической платформы 1917 г., ее буржуазной сущности и контрреволюционной роли должно занять важное место в изучении идейной эволюции Плеханова как меньшевика. В этой платформе Плеханов ярко отразил свои меньшевистские установки 1903—1918 гг. в вопросах экономической теории и политической тактики. Он явно переходит в лагерь буржуазной контрреволюции. В 1917 г. он не писал специальных экономических исследований, но его многочисленные статьи, посвященные злободневным вопросам политической борьбы, не могли обойти проблемы экономики России и даже общих вопросов экономики капитализма, а тем более экономических предпосылок социализма. Больше того, некоторые статьи Плеханова вообще касаются преимущественно вопросов экономического характера, так как неразрывная связь экономики с политикой обнаружилась в вели-

кий год русской истории с необычайной определенностью.

Основное положение своей экономической платформы Плеханов формулировал много раз и сводилось оно к тезису о том, что Россия 1917 г. должна остаться капиталистической страной, а ее революция — чисто буржуазной.

Так, в своей статье «Борьба наемного труда с капиталом» Плеханов утверждал, что «толковать об организации социалистического общества в нынешней России — значит вдаваться в несомненную, и притом крайне вредную, утопию». Призывая «революционную демократию» к поддержке Временного правительства, Плеханов писал 18 июля 1917 г., будто «устранение капиталистического способа производства никак не может стать у нас очередным историческим вопросом». Во время «июльских дней» Плеханов доказывал, что в России мыслима только буржуазная революция, так как всякое ее углубление «породило бы анархию, за которой очень быстро последовала бы контрреволюция». Победа социалистической революции, по его мнению, «не замедлила бы принести нам экономическое банкротство внутри и самое жестокое поражение на всех театрах военных действий».

Плеханов твердо держался той мысли, что социализм «для России — это дело сравнительно отдаленного будущего» и «очередным вопросом исторического дня является у нас теперь развитие производительных сил на капиталистической основе»²¹. Этот тезис своей экономической платформы Плеханов повторял десятки раз, воспроизводя его в самых разнообразных вариантах. Он возвращался к нему вновь и вновь, вполне основательно считая его настоящим сгедо своей буржуазной программы капиталистического развития России.

В соответствии с ним Плеханов, переходя в лагерь контрреволюции, неизменно выступал против лозунга перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Он соглашался с тем, что уже в феврале 1917 г. русскую «революцию сделала страна» (речь на государственном совещании в Москве), и потому народные массы, раз они пришли в движение, могут далеко пойти по пути революционных преобразований. Но

²¹ «Единство», 1917, № 44, 81, 83, 99.

он утверждал, что русским социалистам необходимо ограничиться реализацией минимальной программы, которая «рассчитана на постепенное осуществление в капиталистическом обществе». По мнению Плеханова, «непоследовательны те наши демократы, которые, с одной стороны, во всеуслышание признают, что Россия переживает теперь буржуазную революцию, а с другой, прилагают все усилия к тому, чтобы на практике свести к нулю влияние буржуазии».

Плеханов доказывал, что Февральская революция в России означает лишь начало новой эпохи в развитии капитализма и «нам предстоит еще пережить более или менее длительный период капиталистического развития»²². Он не допускал и мысли о возможности перерастания в условиях России буржуазно-демократической революции в социалистическую, между тем как В. И. Ленин прямо ориентировался на такое перерастание. Еще в своей статье «Отношение социал-демократии к крестьянскому движению» (сентябрь 1905 г.) В. И. Ленин писал, что при разрешении аграрного вопроса в России не исключена передача «крупных капиталистических имений *ассоциациям рабочих*, ибо от революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции»²³.

Таким образом, Ленин уже в годы революции 1905 г. разработал теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, новое решение вопроса о соотношении между буржуазной и социалистической революциями.

Позднее, в 1917 г., в своих знаменитых Апрельских тезисах В. И. Ленин дал целую программу углубления буржуазно-демократической революции и ее конечного перерастания в революцию социалистическую. Эти тезисы сыграли совершенно исключительную роль в политической борьбе 1917 г. и завершивших ее событиях Великой Октябрьской социалистической революции. Поэтому Плеханов, оказавшись по ту сторону баррикады, резко выступает в своих статьях 1917 г. против Ленина,

²² «Единство», 1917, № 111, 91, 117.

²³ В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 213.

развивая свою экономическую платформу как программу борьбы против социалистической революции. Но его критические замечания по адресу В. И. Ленина явно несостоятельны и стоят на грани обыкновенных инсинуаций. Так, Плеханов доказывал, будто Апрельские тезисы написаны «при полном отвлечении от обстоятельств времени и места», и солидаризировался с репортером «Единства», утверждавшим, что речь Ленина при их обосновании была «бредовой». Он игнорировал то перво-степенное обстоятельство, что тезисы В. И. Ленина как раз и ориентировались на использование коренных особенностей буржуазной революции в России, которая происходила в условиях развитого капитализма, высокой концентрации промышленности и политической зрелости рабочего класса. Именно В. И. Ленин, призывая пролетариат использовать крестьянские резервы социалистической революции, учитывал своеобразие обстановки в России, где главным вопросом буржуазной революции являлось не расширение поля деятельности крупных капиталистов (путем устранения цехов, монополий и налоговых привилегий), а разгром дворянского землевладения в интересах крестьянства, мелкобуржуазной демократии.

Фактически Плеханов адресовал Ленину свои собственные измышления о характере русской революции, которую он считал обычным вариантом буржуазной революции, ее типичным явлением.

Совершенно извращая точку зрения Ленина, он приписывал ему лозунг немедленного «введения социализма» в России, так как мысли Ленина относительно постепенности переходных мероприятий, контроля над производством и т. д. рассматривались Плехановым лишь как попытка «успокоить свою марксистскую совесть»²⁴. Он без всяких оснований сводил гениальный план Апрельских тезисов Ленина к бунтарству Бакунина, хотя Ленин ориентировался на победу социалистической революции в результате революционной борьбы целого класса — пролетариата под руководством своей массовой партии, на использование материальной базы крупной индустрии и революционных возможностей крестьянства. Плеханов же опускался до настоящей клеветы на сто-

²⁴ «Единство», 1917, № 9.

ронников Ленина, когда начинал обвинять их в бунтарстве бакунинского толка.

Все идейные конфликты 1917 г. он демагогически сводил к антитезе марксизма и бакунизма, решительно заявляя, будто в России того времени речь шла «не о том, восторжествует ли у нас большевизм или меньшевизм», а о том, какие идеи восторжествуют «в нашей и социалистической среде, идеи Маркса или Бакунина»²⁵. Плеханов игнорировал существование ревизионизма внутри II Интернационала и его русской разновидности в лице меньшевизма, так как сам был представителем этого оппортунизма, ставшего знаменем определенной части контрреволюции. Поэтому политическим конфликтам 1917 г. он искал исторические параллели в далеком прошлом, допуская совершенно необоснованные аналогии. Обвиняя своих противников в бакунизме и бунтарстве, Плеханов пытался скрыть свой собственный оппортунизм и оправдать превращение международной социал-демократии в либеральную партию социальных реформ.

Не довольствуясь странным отождествлением большевизма с бакунизмом, Плеханов и в 1917 г. вытащил на свет свое старое обвинение Ленина в народовольчестве, хотя именно Ленин являлся подлинным антиподом эсеров и всегда квалифицировал их лишь как мелкобуржуазную демократию. Между тем сам Плеханов еще до войны 1914 г. стал блокироваться с эсерами и с конца 1912 г. вместе с ними сотрудничал в журнале «Современник», дал интервью газете «Юг», считал возможными политические связи с Савинковым и т. д. Во время же войны он вместе с правыми эсерами издавал в Париже газету «Призыв» и в 1917 г. многократно выступал за единство с ними под лозунгом объединения всех «живых сил» революционной демократии. Плеханов опять приписывал своим противникам домыслы и политические тенденции, свойственные ему самому.

Он произвольно считал народничеством ленинскую идею возможного перерастания буржуазно-демократической революции в России 1917 г. в социалистическую, игнорируя тот капитальный факт, что 1917 г. вовсе не был 1883-м и за истекшие 40 лет страна прошла слож-

²⁵ «Единство», 1917, № 35.

ный путь социально-экономического развития. Плеханов зачеркивал полвека истории России, хотя за этот период в ней была создана крупная промышленность как материальная база социализма и возник современный пролетариат, революционное движение которого как раз и являлось политической предпосылкой конечного торжества социалистической революции. Он отождествлял социально-экономические условия России времен знаменитого «хождения в народ» с ситуацией 1917 г. и поэтому в любой постановке вопроса о социализме, даже простом углублении революции ему мерещились народовольческие идеи. Ослепленный своей борьбой с социалистической революцией, он оказывался в положении народников после реформы 1861 г., когда они продолжали толковать о победе «народного производства» и не видели успехов капиталистического развития России. Плеханов в свое время правильно критиковал ошибку народников, но он сам после промышленного подъема 90-х годов не замечал появления в России материальных и социальных предпосылок социализма. Став оруженосцем буржуазной контрреволюции, он обнаруживал удивительную политическую слепоту, явно игнорировал новые явления в экономической и политической жизни России.

Для большей убедительности Плеханов обвинял Ленина в бланкизме. Больше того, он объявлял сторонников Ленина «алхимиками революции», которые хотят искусственно ускорить исторический процесс, сделать в России социалистическую революцию в такое время, когда еще нет необходимых для нее условий.

Но Ленин в 1917 г. был руководителем массовой партии большевиков, за которой шли миллионы революционного пролетариата, и уже по одному этому не мог действовать заговорщическими методами Бланки. Рассуждения Плеханова о бланкизме Ленина оставались совершенно беспредметными. Он воспринимал как бланкизм всякую попытку организованной подготовки революционных выступлений пролетариата, полагая, видимо, что пролетарские партии создаются лишь для того, чтобы пассивно ожидать «пришествия социализма».

Звонкие фразы относительно «алхимиков революции» звучали фактически насмешкой над самим Плехановым как бывшим революционером и марксистом. Ведь он утверждал при этом, что социалистические партии суще-

ствуют не для ускорения исторического процесса, и квалифицировал попытки активного вмешательства в исторические события как разновидность старомодной алхимии. Плеханов много и правильно писал в свое время об активной роли сознательной деятельности партий и целых классов в мировой истории. Однако в 1917 г., когда настал момент для активных выступлений русского пролетариата и самого Плеханова, он стал доказывать, что деятельность революционера вообще неправомерна, так как ускорять ход исторических событий могут только люди, верящие в социальную алхимию.

Таким образом, критикуя ленинские установки, Плеханов не смог формулировать сколько-нибудь убедительных доводов в пользу своего ренегатского тезиса, будто социализм для России 1917 г. являлся чистой утопией. Но к обоснованию этого тезиса он возвращался много раз, и его главным аргументом было положение об экономической незрелости России для победы социалистической революции. Он повторял это десятки раз и выдвигал на первый план во всех случаях, когда ему требовалось подкрепление его кадетских позиций в оценке перспектив русской революции. Так, Плеханов любил повторять, что Россия страдает не только от капитализма, но и от его недостаточного развития.

В специальной статье, посвященной критике Апрельских тезисов Ленина, Плеханов писал, что далеко не во всякое данное время возможен переход от одного способа производства к другому, и спрашивал, как же обстоит дело с капитализмом в России? Имеем ли мы основание утверждать, будто «его песенка у нас спета» и он уже не способствует развитию производительных сил страны? «Россия страдает не только от того, что в ней есть капитализм, — утверждал Плеханов в ответ на этот вопрос, — но также и от того, что в ней недостаточно развит капиталистический способ производства». Отсюда он и делал тот вывод, что поскольку в России капитализм еще не стал «препятствием для развития ее производительных сил», то нелепо звать рабочих и беднейшую часть крестьянства к его низвержению или захвату политической власти.

Несколько позднее он «уточнил» эту формулу и стал воспроизводить ее в более утрированном виде, заявляя, что «мы страдаем не столько от капитализма, сколько от

недостатка его развития». В одной из своих статей он писал, что «современным высокоразвитым производственным силам станет тесно в рамках капиталистического способа производства», и «тогда капитализм должен будет уступить свое место социализму». Но, указывая он, «для России это дело сравнительно отдаленного будущего», так как «теперь Россия страдает... не столько от развития капитализма, сколько от недостатка его развития»²⁶.

Поэтому Плеханов доказывал, будто «русская история еще не смолотала той муки, из которой будет со временем испечен пшеничный пирог социализма», и если бы социалисты взяли власть, то дело закончилось бы их жестоким поражением, так как потребовалась бы диктатура пролетариата и крестьянства, между тем «наша трудящаяся масса еще не готова для такой диктатуры», а Россия находится в состоянии небывалой экономической разрухи. Исходя из того, что Россия переживает теперь буржуазную революцию, Плеханов решительно настаивал, что «у нас не настала пора замены капиталистического способа производства социалистическим», а «если бы наш рабочий класс захотел стеснять дальнейшее развитие капиталистического способа производства, он тем самым нанес бы жестокий вред как всей стране, так и своим собственным интересам».

Даже в октябре 1917 г. он писал, что «в России не было объективных условий, нужных для углубления революции в смысле замены капиталистического строя — социалистическим», так как «крайняя экономическая отсталость России» делала, по его мнению, народную массу совершенно неспособной к сознательному и организованному движению в сторону социализма²⁷.

Когда вопреки предсказаниям Плеханова начались события Великой Октябрьской социалистической революции, он обратился с «Открытым письмом к петроградским рабочим», в котором доказывал, что «наш рабочий класс еще далеко не может, с пользой для себя и для страны, взять в свои руки всю полноту политической власти», так как «в населении нашего государства пролетариат составляет не большинство, а меньшинство».

²⁶ «Единство», 1917, № 11, 68, 99.

²⁷ «Единство», 1917, № 65, 111, 157.

Он не находил в России тех экономических условий, которые предполагаются диктатурой пролетариата, и потому, «несвоевременно захватив политическую власть, русский пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну».

Следовательно, Плеханов весьма упорно пропагандировал ту мысль, что Россия 1917 г. экономически еще не созрела для социалистической революции. Победа социализма в СССР наглядно показала в дальнейшем, насколько несостоятельны были предсказания Плеханова о судьбах социалистической революции в России и как глубоко он ошибался в определении экономической зрелости последней. Опровергать сейчас эти предсказания нет нужды, так как вся история нашей страны за последние полвека является наилучшим их опровержением и показывает с полной очевидностью, насколько гениальным был В. И. Ленин в оценке экономической и политической ситуации в России 1917 г. Всемирно-исторические победы социализма в России полностью оправдали его предвидения.

Но следует отметить, что уже тогда, в 1917 г., рассуждения Плеханова об экономической незрелости России для социализма имели слишком общий и декларативный характер. Он давал декларации вместо аргументации и без конца повторял одно и то же, не приводя каких-либо конкретных материалов относительно экономического состояния России. Плеханов в 1917 г. не сделал даже попытки научного анализа экономического положения России и ограничился повторением общих фраз относительно ее крайней экономической отсталости. Он не отметил ни одного факта, который действительно давал бы обоснование его точке зрения, склоняясь и в данном случае к чисто отвлеченному решению вопроса первостепенной важности, отражая коренные недостатки своих экономических работ вообще²⁸.

Плеханов ссылаясь на то, что русский пролетариат не составляет большинства населения России, и в соответствии с догмой II Интернационала делал вывод, что в России нет объективных условий для победы социалистической революции. Но он крайне упрощенно и потому неправильно определял социальную роль отдельных

²⁸ «Единство», 1917, № 173.

классов, учитывая только их удельный вес в численном составе населения тех или иных стран. Ведь французская буржуазия в конце XVIII в. тоже составляла меньшинство населения страны, а между тем смогла использовать борьбу народных масс против абсолютизма и оказалась у власти в итоге революции, нанесшей сокрушительный удар феодальному режиму не только в одной Франции. Объяснялось это тем, что французская буржуазия того времени была прогрессивным классом, держала в своих руках «командные высоты» экономики страны или опиралась на наиболее жизнеспособные экономические формы. Поэтому к ней тянулось все передовое население Франции. В 1789 г. буржуазия наиболее ярко выражала новейшие тенденции социально-экономического развития Франции, и в этом состояла ее огромная сила. Тем самым социальная роль французской буржуазии оказывалась несравненно больше ее удельного веса в составе населения страны.

Почему же, спрашивается, русский пролетариат в 1917 г. не мог претендовать на более значительную роль в судьбах страны, чем его удельный вес в составе ее населения? Ведь он тоже являлся передовым классом своей эпохи, а олицетворяемые им экономические формы доминировали над хозяйственной жизнью страны и наиболее полно выражали прогрессивные тенденции в ее развитии? Это обстоятельство увеличивало влияние пролетариата среди народных масс, если даже он и составлял меньшинство.

Между тем в решающие дни 1917 г. Плеханов оперировал арифметическими величинами там, где требовался алгебраический тонкий марксистский анализ социально-экономической природы отдельных классов и их исторической роли. При оценке политических возможностей русского пролетариата в событиях 1917 г. он совсем не учитывал особенностей политической ситуации в России и, в частности, того обстоятельства, что империалистическая война крайне обострила все ее социальные противоречия, необычайно увеличила политическое влияние пролетариата на мелкобуржуазные элементы населения страны. Авангардная роль пролетариата в политической жизни России 1917 г. становилась все более очевидной, а между тем Плеханов продолжал твердить вслед за оппортунистическими лидерами II Интернационала, что

политические возможности русского пролетариата навсегда определены его удельным весом в составе населения страны.

Хозяйственную разруху 1917 г. Плеханов демагогически квалифицировал лишь как фактор контрреволюции, хотя экономические бедствия, обусловленные войной, на самом деле революционизировали массы. Утверждение Плеханова, что война «еще больше уменьшает шансы социальной революции», осложняя политическую ситуацию в России, было настоящей демагогией.

Плеханов кичился европеизмом своих представлений о социализме, но, подражая лидерам II Интернационала, сбрасывал со счетов русской революции крестьянство. Игнорируя крестьянские резервы русского пролетариата, он приходил к своим контрреволюционным выводам о судьбах социализма в России. Но пренебрежительное отношение к этим резервам, характерное для меньшевизма, было ошибочным в странах Западной Европы, а в России 1917 г.— просто нелепым. Ведь в русской деревне издавна и особенно в этот героический год бушевали страсти вокруг земельного вопроса, а солдаты, возвращавшиеся с фронта, готовы были на самые радикальные преобразования.

Толкуя об экономической незрелости России для социализма, Плеханов игнорировал ее политическую зрелость и не хотел учесть тех исключительно благоприятных условий, которые возникли для победы пролетариата в России 1917 г. Он неизменно вспоминал о диалектике, но фактически возвращался к устаревшим представлениям экономического материализма и с позиций последнего вел борьбу против социалистической революции в России.

В самой оценке экономического состояния России Плеханов довольствовался слишком поверхностными определениями буржуазной литературы и не учитывал всей сложности вопроса, крайней противоречивости сложившейся обстановки. На самом деле русская промышленность, например, была отсталой лишь по своему удельному весу в народном хозяйстве страны. Зато по своим социально-экономическим формам она являлась вполне современной и даже передовой, так как концентрация зашла весьма далеко и прогрессирующее синдицирование предприятий свидетельствовало о том, что

экономика России вступила в фазу империализма. В. И. Ленин ярко показал это в своих работах. Ленинские исследования не могли оставаться неизвестными Плеханову, да и сам он не имел оснований игнорировать определяющие факты экономической истории России в послереформенный период, особенно в эпоху империализма.

К 1917 г. в России, несомненно, уже существовала вполне современная, даже передовая по своим социально-экономическим формам, крупная промышленность, которая в социально-экономическом отношении не уступала американской и западноевропейской. Она вполне могла стать исходной базой для преобразований социалистического характера.

С другой стороны, необходимо отметить, что и абсолютные размеры промышленного производства в России 1917 г. не были столь ничтожными, как это полагал Плеханов, хотя никаких определенных цифр он не приводил. Конечно, по своему удельному весу в мировом хозяйстве русская промышленность уступала индустрии таких мощных стран, как США, Германия, Англия и Франция. Но масштабы промышленного производства в России все же не были «турецкими», и на ее территории имелись крупные промышленные центры (Петроград, Москва, Донбасс, Баку, Урал), которые, несомненно, могли стать основой для развития социалистических форм хозяйства в условиях диктатуры пролетариата. Миллионы рабочих были сконцентрированы на крупных предприятиях в промышленных областях огромного экономического значения. Это являлось существенно важной предпосылкой социалистической революции и последующей победы социализма в России.

Плеханов выдавал слабость промышленной базы в России за ее полное отсутствие, чтобы дать хоть видимость обоснования своим нелепым домыслам относительно политических возможностей русского пролетариата. Конечно, он имел основания указывать на то, что удельный вес промышленности в экономике России был невелик и на душу населения русская промышленность давала очень мало сравнительно с индустриальными странами продукции. Это обстоятельство неоднократно отмечал В. И. Ленин, характеризуя технико-экономическую отсталость дореволюционной России. Соотношение

между промышленностью России и ее сельским хозяйством в 1917 г. оставалось действительно неблагоприятным. Но ведь и промышленность Англии, Франции, даже Германии перед войной 1914 г. работала для более широкой аграрной периферии, чем их собственная территория. Если же промышленную продукцию тогдашней, например, Франции отнести ко всей массе ее собственного и колониального населения, то на душу последнего этой продукции тоже окажется довольно мало. Особенность положения в России заключалась в том, что ее колонии территориально соприкасались с «метрополией», и русские губернии включали экономически неоднородные категории населения. В результате продукция русской промышленности соотносилась с общей массой всего, в том числе и колониального населения, а душевые нормы производства промышленных товаров оказывались относительно более низкими, чем они были на самом деле. Экономическая отсталость русских колоний при подсчетах подобного рода снижала показатель промышленного развития России.

Действительно отсталым было сельское хозяйство России с его миллионами мелких крестьянских дворов, техническим варваризмом последних, их малоземельем и т. д. Но аграрная периферия и передовых в промышленном отношении стран не особенно далеко ушла по пути экономического прогресса, как об этом свидетельствует пример французской деревни и английских колоний. Поэтому связывать судьбы социализма со степенью развития сельского хозяйства было неправильно как для России, так и для других стран Европы. В общем и целом оно везде было отсталым и нельзя ставить в зависимость от этого факта судьбы социалистической революции. Несмотря на экономическую отсталость, в русской деревне имелись даже более благоприятные для революционных событий условия, так как боровшееся за землю крестьянство естественно оказывалось политическим союзником пролетариата. Революционная энергия русского крестьянства имела буржуазно-демократический характер, но она могла быть аккумулирована в значительной мере политически сознательным и организованным пролетариатом городов для дела социалистической революции, тем более что ее беднота в 1917 г. активно поддерживала городской пролетариат в борьбе за соци-

ализм. Голодная и беспокойная русская деревня, пережив две революции, заключала в себе больше революционной энергии, чем французская или немецкая. Крестьянские резервы пролетарской революции в России 1917 г. были огромны, и Плеханов их не заметил только потому, что с давних пор руководствовался чисто меньшевистскими установками в вопросе о движущих силах русской революции. Только В. И. Ленин и его соратники смогли выяснить возможности революции и определить с позиций марксизма перспективы предстоящей борьбы за социализм. Что же касается технической и экономической отсталости русской деревни, то она могла быть с успехом ликвидирована после победы пролетарской революции, на основе ее достижений, и опыт социалистического строительства в нашей стране после 1917 г. наглядно подтверждает это.

Больше того, даже отмеченное выше территориальное соприкосновение России с ее колониальной периферией являлось благоприятным моментом для событий пролетарской революции, так как противоречия колониального режима переплетались с коренными противоречиями классов в метрополии и необычайно обостряли столкновения последних.

Смыкаясь с кадетами, Плеханов подчеркивал, что в России 1917 г. капитализм еще не исчерпал своих экономических возможностей, раз на ее территории продолжали существовать докапиталистические формы производства и мелкокрестьянское хозяйство играло крупную экономическую роль. Но ведь они сохраняются до сих пор даже в экономически передовых странах. Рассуждая подобным образом, Плеханов логически неизбежно должен был доказывать, что и страны высокоразвитого капитализма еще не созрели для социализма, а капитализм не задерживает якобы развития их производительных сил. И, действительно, он не останавливался перед таким выводом, прямо указывая в своем «Открытом письме к петроградским рабочим» от 28 октября 1917 г., что социальная революция и у немцев «еще не является вопросом нынешнего дня», причем в Германии нет будто бы надежды «не только на социальную, но и на политическую революцию»²⁹.

²⁹ «Единство», 1917, № 173.

Следовательно, в угоду буржуазной контрреволюции Плеханов заранее отрицал реакционность современного капитализма, а потом уже начинал толковать о незрелости России для дела социалистической революции. Его тезис об экономической незрелости России для социализма был производным от более общего тезиса оппортунистов II Интернационала о прогрессивности современного капитализма и отсутствии экономических предпосылок для социалистической революции даже в наиболее передовых странах.

Социалистическая революция в России опиралась на объективные экономические законы и их использование рабочим классом. Однако Плеханов игнорировал противоречия русского капитализма и те объективные предпосылки для социалистической революции, которые уже существовали в России 1917 г., а тем более в странах с развитой индустрией. Вместо серьезной аргументации он давал меньшевистские декларации контрреволюционного свойства. Так, он утверждал, что «война еще более уменьшила шансы социальной революции в Германии», между тем как именно война 1914—1918 гг. особенно наглядно показала экономическую и политическую реакционность современного капитализма. Разве события этой войны не засвидетельствовали документально, что капитализм исчерпал свои прогрессивные возможности и стал серьезным препятствием для дальнейшего развития производительных сил?

Своей борьбой против социалистической революции в России Плеханов фактически подтверждал отсутствие в его багаже научного понимания империализма как высшей и вместе с тем последней стадии капитализма.

Но если даже признать, что в России 1917 г. капитализм еще не закончил свою «работу» и мог бы еще, при известных условиях, развиваться дальше, перемалывая кости мелких товаропроизводителей, то отсюда вовсе не следует, будто в экономике России не было объективных предпосылок для диктатуры пролетариата и победоносного строительства социализма. Ведь и вполне зрелый капитализм не пал бы сам собой, для его ликвидации потребовалось бы активное вмешательство революционного пролетариата, сопровождавшееся серией весьма радикальных мероприятий. Плеханов же фактически проповедовал своеобразный фатализм и

меньшевистский вариант теории автоматического краха капитализма или его непосредственного перерастания в социализм. Усвоенная им вульгарная точка зрения крайнего объективизма использовалась теперь для «обоснования» самых абсурдных выводов относительно перспектив социалистической революции в России.

Плеханов явно метафизически противопоставлял капитализм социализму, когда доказывал в 1917 г., что если капитализм еще способен развиваться в той или иной стране, то, следовательно, в ней нет почвы для социализма. Между тем материальные предпосылки для организации социалистического хозяйства могут быть даже в стране, где еще сохранились докапиталистические формы производства и капитализм не полностью исчерпал свои экономические возможности. Объективные условия для революционной ликвидации отживших свой век экономических форм возникают несравненно раньше их окончательного банкротства, когда сопровождающие эти формы производства экономические бедствия делают их ликвидацию неотложной и вынуждают народные массы к решительным выступлениям. От политической сознательности пролетариата, революционной смелости его вождей зависит ускорение событий разгрома капитализма. Иначе существование и вполне реакционных отношений капиталистического способа производства может затянуться надолго. Ленин указывал, что для капитализма безвыходных положений нет, и буржуазия может найти выход из самых отчаянных ситуаций за счет народных масс. Плеханов написал в свое время много блестящих страниц о диалектике, но в своей борьбе против социалистической революции в России 1917 г. явно руководствовался механистическими принципами экономического материализма. Архаизм представленный последнего не смущал руководителя группы «Единство», раз они могли быть использованы для обоснования его полукadetских установок в вопросах текущей политики.

Плеханов игнорировал то обстоятельство, что русское крепостничество созрело для революционной ликвидации еще во времена Екатерины II, но дожило тем не менее до царствования Николая II, раз революционная активность народных масс оказалась недостаточной для его разгрома. Экономические предпосылки для устранения

«старого порядка» во Франции имелись еще при Людовике XIV, а его революционная смена последовала только через сотню лет при Людовике XVI. Больше того, если бы французы времен Робеспьера рассуждали по методу Плеханова, они, вероятно, еще на столетие оставили так называемый «старый режим» неприкосновенным.

В России 1917 г. имелись экономические предпосылки для победоносной социалистической революции, а ее политические условия были исключительно благоприятными.

В своей борьбе против социалистической революции в России Плеханов фальшиво адресовался также к авторитету Маркса и Энгельса, квалифицируя свою точку зрения как единственно марксистскую. Он утверждал, что «о социалистическом перевороте не могут говорить у нас люди, хоть немного усвоившие себе учение Маркса» и свободные от народофильских представлений, так как «самое важное разногласие между нами и народофильцами... заключалось в том, что, по их мнению, предстоявшая русская революция должна была соединить в себе как политический элемент, т. е. низвержение царизма, так и момент социальный, точнее социалистический». Он ссылаясь на то, что уже в 80-х годах прошлого столетия в спорах с народофильцами ему приходилось доказывать невозможность такого соединения «вследствие экономической отсталости России».

Таким образом, всех своих противников Плеханов объявлял народофильцами, анархо-синдикалистами и указывал на то, что анархо-синдикализм «с крайним пренебрежением относится к тем социалистам, которые повторяют вслед за Марксом, что когда общество напало на след естественного закона своего развития, то оно не может ни перескочить естественные фазы этого развития, ни устранить их посредством указов». Следовательно, революционные выступления русского пролетариата в пользу социализма Плеханов отвергал как нарушение естественных законов и фаз в развитии России. Он ссылаясь при этом на то положение Маркса, что ни одна общественная формация не исчезает раньше, чем разовьются все производительные силы, которым она предоставляет достаточно простора.

Он отсылал своих читателей и к авторитету Энгельса,

поскольку последний считал опасным преждевременное завоевание пролетариатом политической власти. 13 августа 1917 г. Плеханов писал в своей газете, что «по глубокому замечанию Фридриха Энгельса для всякого данного класса не может быть большего политического несчастья, как быть вынужденным захватить власть в такое время, когда он еще не способен плодотворно воспользоваться ею»³⁰.

Однако все эти апелляции к авторитету классиков марксизма совсем не подкрепляли контрреволюционную позицию Плеханова в вопросах русской революции. Указания Энгельса имели конкретно-исторический характер и их нельзя было распространять на Россию 1917 г., в которой имелись самые благоприятные условия для захвата власти пролетариатом и ее плодотворного применения. Ведь летом и осенью 1917 г. даже буржуазно-демократические требования крестьянства России не были удовлетворены, оно продолжало бунтовать и его революционную энергию пролетариат мог использовать для постановки более радикальных проблем революции или по крайней мере нейтрализации враждебных социализму элементов в русской деревне. В выборе сроков восстания это сыграло важную роль, и октябрь, по гениальному предвидению Ленина, оказался исключительно благоприятным моментом для выступления петроградского пролетариата. Многомиллионная беднота русской деревни стала прочной опорой пролетариата в борьбе за власть, а беспросветная империалистическая война, продолжая которую намеревалась буржуазия, была еще не закончена, обостряла экономическую разруху и вызвала ненависть народа, политическую изоляцию буржуазных партий. Вместе с тем, как отмечалось выше, в России 1917 г. уже имелась сравнительно развитая промышленность, которая могла стать материальной базой социалистических преобразований. Национализация же земли, политическое руководство пролетариата и общинные традиции русского крестьянства создавали благоприятные условия для победы социализма и в деревне.

Поэтому Плеханов не имел даже видимости оснований для того, чтобы ставить русский пролетариат 1917 г.,

³⁰ «Единство», 1917, № 9—10, 138, 15.

руководимый большевистской партией, в положение анабаптистов XVI в., пытавшихся во времена Мюнстерской коммуны осуществить свои эгалитарные планы. Он переносил указания Энгельса в явно неподходящую обстановку и злоупотреблял его авторитетом.

Чтобы дискредитировать своих противников и опереться на авторитет Маркса, Плеханов принижал теоретические и политические конфликты 1917 г. до уровня своих споров с народовольцами начала 80-х годов. Но фактически сам Плеханов, подобно народникам, недооценивал степень капиталистического развития России. И в 1917 г. он утверждал, что Россия еще только вступает на путь капитализма, раз с его точки зрения капиталистические противоречия вовсе не были доминирующими в ней. Он изображал Россию крестьянской страной даже через 40 лет после своих выступлений против народников и задним числом возвращался к своим народническим иллюзиям, хотя, вероятно, и народволец 80-х годов не осмелился бы утверждать в 1917 г., будто Россия все еще страдает скорее от недостаточного развития капитализма, чем от противоречий последнего.

Плеханов объявлял народволецеством всякую постановку вопроса о социализме в России 1917 г., но он сам смотрел на нее глазами народволецев 1883 г. Он призывал в свидетели самого Маркса, прикрывая его авторитетом свой переход в лагерь врагов социалистической революции. Проблему перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую он отождествлял без всяких оснований с рассуждениями народволецев относительно их совпадения, хотя практически это означало подмену одного вопроса другим. Выдвигая учение о перерастании одной революции в другую, Ленин вовсе не отождествлял их и отнюдь не имел в виду совпадение той и другой. Ленин всегда был далек от народволецеской мысли, будто падение царизма будет означать торжество социализма или хотя бы начало социалистических преобразований. Наоборот, он всегда четко различал буржуазную революцию, направленную против дворянства и царизма, и социалистическую, направленную против буржуазии города и деревни.

Больше того, само перерастание одной революции в другую Ленин допускал лишь на основе использования успехов буржуазной революции и той социально-поли-

тической обстановки, которая возникала в результате ее событий. Так, в подготовке событий Октября 1917 г. огромную роль сыграли условия той политической демократии, которые возникли в России в итоге Февральской буржуазно-демократической революции. Без этого политическая организация пролетариата к осени 1917 г., подготовка его для выступлений всемирно-исторического значения были бы крайне затруднены. Плеханов же упрощал точку зрения своих противников и искажал ее до неузнаваемости, а затем начинал иронизировать над народволецеством тех, кто допускал победу социалистической революции после буржуазной. Он сам рисовал карикатуру на теорию перерастания, а потом фари-сейски адресовался к авторитету Маркса.

Наконец, Плеханов искал опору для своей аргументации в «естественных законах» развития «всякого общества». Но он выражался крайне туманно, не выясняя сколько-нибудь точно, что же именно понимает он под этими естественными законами и фазами общественного развития. Он давал явно фаталистическое толкование тому общему положению марксизма, что в истории человечества имеется определенная закономерность. Ведь идею исторической закономерности он противопоставлял социальной активности человека, творческому вмешательству в социальный процесс целых классов и доказывал вслед за Штаммлером, что социалистам, в сущности говоря, делать нечего, так как зрелый капитализм и без их участия приведет человечество к социализму. В борьбе против социалистической революции Плеханов начинал отрицать даже право социалистов на политическую активность и прикрывал свой переход на позиции кадетов туманными рассуждениями о непреложных, естественных законах исторического развития.

Но из этих абстрактных формул вовсе не вытекало каких-либо определенных выводов относительно своевременности и правомерности революционных выступлений русского пролетариата под знаменем социализма. Проблемы социализма в России находились в зависимости от конкретно-исторических условий, своеобразия которых отнюдь не выясняли абстрактные рассуждения Плеханова.

Правда, Плеханов ссылаясь на слова Маркса о том, что общественные формации исчезают лишь после того,

как в их недрах разовьются производительные силы, для которых они дают достаточно простора. Но откуда следовало, что мировой капитализм в 1917 г. давал достаточно простора для развития производительных сил? Из положения Маркса этого совсем не вытекало, и Плеханов давал ему совершенно произвольное применение. Тем более из этого общего положения Маркса нельзя было извлечь меньшевистского решения русских проблем 1917 г. В России того периода клубок социально-экономических противоречий оказался исключительно сложным. Политически она была вполне зрелой для социалистической революции, а экономически — уже создавшей материальную базу (в виде крупной промышленности) для начальных мероприятий социалистического характера, хотя ее капитализм еще и не закончил свою экономическую экспансию, не устранил докапиталистических форм производства (прежде всего в сельском хозяйстве).

Поэтому сложного узла русских проблем 1917 г. не могли разрешить те цитаты из работ Маркса, которыми фальшиво оперировал Плеханов. Для их решения требовался исчерпывающий анализ своеобразия социально-экономических и политических условий тогдашней России на основе творческого применения основных положений марксизма. Но Плеханов вместо такого анализа использовал марксистскую теорию чисто догматически. Он пытался ответить на конкретные вопросы русской революции непосредственно самыми общими положениями Маркса или его отдельными высказываниями по совершенно другим обстоятельствам конкретно-исторического характера.

Но отвлеченные и демагогические рассуждения Плеханова о судьбах социализма в России и цитатологическая аргументация одинаково не давали оправдания его ренегатству, переходу в лагерь контрреволюции. Плеханов судил о перспективах социалистической революции с точки зрения русской действительности времен «Земли и воли», а отдельные положения марксизма превращал в догму, вместо того чтобы творчески использовать их для анализа специфики социально-экономических предпосылок русской революции 1917 г.

Время от времени Плеханов обращался к истории для обоснования контрреволюционного тезиса своей эко-

номической платформы об отсутствии в России 1917 г. материальных условий для социалистической революции. Он даже поучал своих сторонников на заседании ЦК группы «Единство»: «Спекулируйте на истории, и вы будете вознаграждены»³¹.

Но его историческая аргументация выглядит довольно жалко и сводится к пояснению высказанных положений на немногих примерах из исторического прошлого.

Так, в речи на совещании делегатов Петроградского Совета, произнесенной 2 апреля 1917 г., он доказывал французское происхождение русской революции и предлагал подражать французам 1789 г., не выходя за рамки требований и мероприятий их буржуазной революции конца XVIII в. Обращаясь к истории Франции, Плеханов в речи на съезде делегатов фронта прославлял революционную роль буржуазии в прошлом и указывал, что Франция в высшей степени буржуазная страна, но еще Маркс и Энгельс доказали нам, какую «революционную роль сыграла буржуазия в истории, и французская буржуазия в особенности».

Вместе с тем Плеханов противопоставлял революционную выдержку В. Либкнехта анархическим тенденциям Иоганна Моста, чтобы показать преимущество политической умеренности меньшевизма перед революционной смелостью большевизма.

Отстаивая свой лозунг ограничения революции преобразованиями буржуазного характера, он ссылаясь на то, что еще Маркс и Энгельс чрезвычайно едко осмеивали в своем манифесте «истинных немецких социалистов», отвергавших всякую мысль о поддержке немецким пролетариатом буржуазии, вступавшей тогда на путь борьбы с абсолютизмом, и демонстративно сравнивал точку зрения этих социалистов с позицией большевиков в революции 1917 г.³²

Следовательно, историческая аргументация Плеханова не шла дальше отдельных экивоков на некоторые явления европейской истории и ошибочных параллелей между политической ситуацией 1917 г. и более ранними явлениями идеологической борьбы XIX в. Эти исторические параллели были слишком искусственными и прак-

³¹ См. К. Фельдман. Вождь или теоретик. «Памяти Г. В. Плеханова», Пг., 9 июня 1918.

³² «Единство», 1917, № 30, 19, 67.

тически ничего не доказывали, так как социально-экономические условия Франции XVIII в. и России 1917 г. далеко не совпадали.

Экскурсы Плеханова в историю французской буржуазной революции были совершенно неуместны в политической обстановке России 1917 г., когда на очередь дня встали уже вопросы социалистической революции. Словословие Плеханова о революционных подвигах «третьего сословия» имело тривиальный характер и страдало анахронизмом. Он даже уверял читателей, что третье сословие было свободно от каких-либо эгоистических стремлений в период своих революционных подвигов, хотя совершенно очевидно, что и в XVIII в. французская буржуазия отнюдь не забывала своих эгоистических интересов. Знаменитый закон Ле-Шапелье о запрете стачек, изданный тогда, вся политика жирондистов в годы французской революции не оставляют сомнений в этом.

Аналогичным образом и ссылки Плеханова на историю социализма не достигали цели. Конечно, социализм имел свою историю, но это обстоятельство вовсе не дает оснований утверждать, что в ее анналах именно Плеханов занимает достойную социалиста позицию, или что взгляды его противников страдают атавизмом и ошибочно определяют сроки, перспективы социалистической революции в России. Никаких прямых и косвенных показаний о политической ситуации в России история социализма не давала, и заявление Плеханова, будто он является представителем новейшей социалистической мысли, опередившим своих современников, оставалось простой декларацией. Напротив, именно он оказался не на высоте исторических задач эпохи и при оправдании своего ренегатства апеллировал к явно устаревшим представлениям о социализме, воспроизводил политическую демагогию стародавних оппортунистов. На самом деле взгляды Плеханова были отсталыми по сравнению с передовой социалистической мыслью. В новой политической обстановке и применительно к своеобразным условиям России 1917 г. он повторял прежние формулы и самые общие положения о том, что для победы социализма необходим высокий уровень производительных сил и т. д., вместо того чтобы творчески использовать эти положения для анализа обстановки в России и вы-

яснить внутренние возможности русской революции. В раскаленной атмосфере России 1917 г. он, руководствуясь оппортунистическими догмами II Интернационала, переходил в лагерь врагов социалистической революции.

Сравнительные экскурсии Плеханова в историю имели бы смысл лишь в том случае, если бы они опирались на предварительный и глубокий анализ политической ситуации в России. Но как раз этого и не доставало ему. В то же время его сравнительно-исторические экскурсии были бы правомерны, если бы он предварительно доказал, что русская буржуазия в Октябре 1917 г. являлась революционной силой, а политические установки Ленина страдали анархизмом и т. д. Не доказав же этого и вместе с тем обращаясь к историческим параллелям, Плеханов просто декларировал то, что ему следовало еще обосновать, и принимал доказуемое за доказательство. В угоду политическому оппортунизму он забывал об элементарных правилах логики. Ведь всякое сравнение предполагает предварительное определение сопоставляемых явлений, а Плеханов совершенно игнорировал это. Ссылаясь на революционность французской буржуазии XVIII в., он выдвигал свой тезис о революционности Колупаевых и Разуваевых в России 1917 г. На том основании, что в истории социализма имелись ошибочные течения, он делал странный вывод, что Ленин является представителем этих ошибок и его политическая платформа страдает якобы анархизмом.

В исторической аргументации Плеханова отсутствовал обязательный для нее историзм и ее исторические параллели были порочны в своей логической основе. Он сравнивал несравнимые явления и делал совершенно ошибочные выводы о перспективах социализма в России. Правильно указывая на то, что в истории все изменяется, он сам не хотел признавать в ней каких-либо изменений.

Так обстояло дело с главным тезисом экономической платформы Плеханова в 1917 г., с помощью которой он оправдывал свое ренегатство, доказывая, что Россия якобы еще не созрела экономически для социалистической революции и стране предстоит целая эпоха чисто капиталистического развития. Это негативное утверждение Плеханов обосновать не смог, оставив его простой

декларацией, хотя и адресовался при этом к истории, авторитету классиков марксизма. Его критические выступления против экономической платформы большевизма остались совершенно необоснованными и не достигли поставленной цели.

Однако сам Плеханов принимал их всерьез и в соответствии с ними формулировал положительный тезис своей кадетской экономической платформы. Считая Россию 1917 г. экономически незрелой для социализма, он утверждал, что главной задачей русского пролетариата должно стать экономическое и политическое соглашение с буржуазией. Все задачи революционного пролетариата в экономической жизни России 1917 г. он сводил к ускорению и облегчению развития капитализма, даже если бы для этого потребовались серьезные жертвы со стороны рабочих. Он не останавливался ни перед чем и всемирно-историческую роль пролетариата в героический период русской истории принижал до простой помощи буржуазии. Эту мысль Плеханов повторял всякий раз, когда в своих статьях затрагивал экономические проблемы России 1917 г.

Так, он неоднократно призывал Петроградский Совет «войти в соглашение с Временным правительством», чтобы «избежать гражданской войны», и утверждал, что «читать отходную новому правительству, значит ослаблять его силу» в такое время, когда она нужна больше всего. Он одобритительно цитировал заявление Скобелева, что «Россия еще не готова к социализму» и «для торжества свободы необходимо сотрудничество с буржуазными кругами», доказывая, что «это — святая истина» и «начало политической премудрости» для русских социал-демократов. По его мнению, «каждый из нас обязан поддерживать Временное правительство», оно должно быть коалиционным, так как социалистическое правительство оказалось бы весьма неустойчивым, а «его падение было бы победой контрреволюции». Говоря о революции, Плеханов без конца повторял ту мысль, что «вне коалиции для нее нет спасения», так как «вне коалиции с торгово-промышленным классом мыслима только та двойная изоляция революционной демократии, которая неизбежно приведет ее к краху». Даже в период корниловщины, когда контрреволюционность буржуазии обнаружилась исключительно ярко, Плеханов доказы-

вал, что Россия может быть спасена только усилиями коалиционного правительства, и призывал кадетов к участию в нем, указывая на то, что иначе эта пресловутая «партия народной свободы» окажется «только на один волосок от коалиции с ингушами генерала Корнилова». Он отстаивал идею политической коалиции с буржуазией на протяжении всего 1917 г., и притом любой ценой во что бы то ни стало, несмотря на явную контрреволюционность тогдашней буржуазии. Даже в незабываемые Октябрьские дни Плеханов продолжал твердить о том, что в России «власть должна опираться на коалицию всех живых сил страны», понимая под этими «живыми силами» и буржуазию.

По мнению Плеханова, всякое соглашение есть своего рода параллелограмм сил, и коалиция пролетариата с буржуазией должна быть построена на «честном, пунктуальном соблюдении прав обеих сторон»³³.

При этом коалицию Плеханов не ограничивал сферой чисто политической, где соглашения временного характера очень часто возникают в самой разнообразной обстановке и между враждебными партиями. Нет, он шел значительно дальше и требовал полного примирения пролетариата с буржуазией, их сотрудничества на дружеских основаниях даже на предприятиях, в сфере «проклятых» вопросов экономики. Он требовал экономического соглашения рабочих с предпринимателями, как олигоценствием «живых сил» русской революции.

Исходя из того тезиса, что «немыслим буржуазный порядок без буржуазии, капиталистический способ производства без капиталистов», Плеханов утверждал, что с ними пролетариат должен «искать путь для экономического и политического соглашения», чтобы «привлечь к себе все живые силы страны для совместной работы». В своей кадетской речи на так называемом Государственном совещании в Москве 15 августа 1917 г. он, обращаясь к буржуазии от имени пролетариата, предлагал выдвигать на первый план «не то, что нас разделяет, а то, что нас объединяет»³⁴.

Больше того, Плеханов открыто защищал интересы русских капиталистов от экономических требований рабочего класса. 20 мая 1917 г. он выступил со специаль-

³³ «Единство», 1917, № 19, 68, 91, 136, 144, 126, 123, 115.

³⁴ «Единство», 1917, № 111, 117.

ной статьей «Борьба наемного труда с капиталом», адресованной «вниманию сознательных рабочих», но апеллировавшей скорее к их несознательной части. В ней Плеханов признавал, что интересы наемного труда противоположны интересам капитала. Однако, заявлял он далее, в России 1917 г. «сознательный пролетариат не должен довольствоваться поверхностным и односторонним» пониманием этой истины, когда он стремится слишком энергично повысить свою заработную плату до уровня, при котором капиталисту не остается ровно ничего. Плеханов указывал, что в таком случае капиталист закроет свой завод, а если последний будет конфискован, то и государство «не может давать рабочим больше того, что они создают своим трудом», и пока существует капитализм, в казну могут быть взяты только отдельные предприятия или в крайнем случае только отдельные отрасли национального производства. Все это Плеханов предлагал «принять в соображение» сознательным рабочим, поскольку «одни призывают их к социалистическому перевороту, а другие советуют им предьявлять капиталистам все более и более повышенные требования», осуществление которых вызвало бы только жестокий экономический кризис и неизбежный голод. По его мнению, сознательные представители пролетариата должны быть в своей борьбе с капиталом «мудры, как змии».

Позднее, 27 июля 1917 г., Плеханов выступил в своей газете с новой защитой русских предпринимателей от экономических требований рабочих, указывая на то, что их выполнение представляет «собой простую и часто очевидную экономическую невозможность» и вызовет в предпринимательских кругах лишь разочарование в революции. Обращаясь опять к «сознательным элементам русского рабочего класса», Плеханов сетовал на то, что «рабочие отдельных отраслей труда часто выдвигают у нас такие требования, исполнение которых только увеличило бы царствующую теперь экономическую разруху», в результате чего, например, в Донецкой области очень понизилась добыча каменного угля, приходящаяся на долю отдельного рабочего. Он советовал русским рабочим «последовать примеру английских» и отложить осуществление своих требований, в том числе и установление 8-часового рабочего дня, до окончания войны³⁵.

³⁵ «Единство», 1917, № 44, 126.

Материальной основой экономического соглашения пролетариата с буржуазией Плеханов демагогически выставлял развитие производительных сил России в рамках капитализма. Он прямо признавал в своей статье 16 июля, что коалиция, конечно, есть соглашение, а «соглашение не есть борьба», и «кто входит в соглашение, тот в его пределах... отказывается от борьбы», но подчеркивал, что с буржуазией соглашение нужно и возможно. Ведь, по его мнению, Россия 1917 г. находится «в том переходном периоде своей экономической истории, в течение которого пролетариат может не только без ущерба, но с выгодой для себя вступать в соглашения с буржуазией для совместной борьбы со всем тем, что задерживает развитие наших производительных сил». В речи на Государственном совещании Плеханов верноподданнически ставил перед русской буржуазией задачу осуществления широких социальных реформ и подчеркивал, что прежде всего необходимо широкое развитие производительных сил, которое «должно быть общей программой всех тех, кто... имеет отношение к общественно-производительному процессу». Если же соглашение не будет достигнуто, то Плеханов пророчил взаимную гибель борющихся классов (буржуазии и пролетариата), даже гибель всей страны, вспоминая при этом ирландскую легенду о двух кошках, которые «дрались так упорно и так жестоко, что от них остались только хвосты»³⁶.

Такова позитивная программа экономической политики, разработанная Плехановым в 1917 г. Ее центральным лозунгом было экономическое сотрудничество с буржуазией на почве капитализма и устранение социальных конфликтов во имя «общих» интересов развития производительных сил России. Это экономическое соглашение с буржуазией Плеханов считал полезным дополнением и вместе с тем базой политической коалиции пролетариата с буржуазией, всеобщего примирения классов и трогательного единения «живых сил» русской революции. Свой главный тезис политической программы, будто «вне коалиции нет спасения», Плеханов безоговорочно переносил в область экономики и призывал рабочий класс к экономическому сотрудничеству с пред-

³⁶ «Единство», 1917, № 117.

принимателями. Он не останавливался при этом перед тем, чтобы отказываться даже от элементарных положений рикардизма относительно непримиримости экономических интересов пролетариата и буржуазии, о неустранимости классовых антагонизмов в условиях капитализма. Он отбрасывал экономическую мысль на сотни лет назад и начинал вносить поправки даже в то, что признавалось радикальными представителями буржуазной политической экономии в начале XIX в. Оперирова той тривиальной истиной, что невозможен капитализм без буржуазии, Плеханов начал доказывать, будто он возможен без классовых антагонизмов, и ориентировал рабочий класс России на совершенно ложное решение коренных проблем. Он зачеркивал существенные приобретения экономической теории марксизма и развивал по существу буржуазные представления о капитализме. Его экономическая программа хозяйственной демократии и дружеского сотрудничества классов на почве капитализма имела кадетский характер. Плеханов фактически вращался в кругу чисто буржуазной постановки всего вопроса о путях экономического развития России и догматически отрицал даже простую возможность иной точки зрения на проблему. Он уверял читателей своих произведений, что первоочередной экономической задачей России является развитие производительных сил, и на этом должны помириться все классы. Но почему, спрашивается, еще более интенсивное развитие производительных сил России было невозможно в условиях социализма, являющегося несравненно более прогрессивной формой производства, как об этом много раз писал сам Плеханов? Плеханов заранее исключал такой путь экономического развития страны и начинал уверять, что спасение России состоит единственно в развитии капитализма, хозяйственном сотрудничестве пролетариата с буржуазией. Он отбросил социалистическую точку зрения и воспроизводил явно буржуазные прогнозы относительно будущего России, прикрывая свое ренегатство.

Во имя развития производительных сил буржуазной России Плеханов жертвовал социалистическими задачами пролетариата. Когда он доказывал, что русский пролетариат с пользой для себя может пойти на экономические соглашения с буржуазией, то разве он не декларировал некое подобие формулы Форда, ищущей при-

мирения классовых противоречий под лозунгом «низкие издержки производства, высокая заработная плата, еще более высокая прибыль»? Плеханов утверждал, что, если в России будет достигнуто значительное развитие капиталистического производства, какая-то доля общественного продукта перепадет и рабочим, хотя бы при этом львиная доля «добычи» и попала в руки буржуазии. Читателям своей газеты он преподносил пресловутую теорию трех факторов производства и теорию услуг Сея—Бастиа—Кларка, доказывая «сознательным рабочим» России, что каторга капиталистической фабрики представляет собой творческую кооперацию технически полезных элементов производства, каждый из которых найдет должное вознаграждение. Плеханов делал русских рабочих ответственными за развитие производительных сил страны, игнорируя буржуазность социально-экономических форм их развития и то решающее обстоятельство, что эти производительные силы в условиях капиталистической России служили средством brutальной эксплуатации рабочего класса буржуазией. Рабочие России в 1917 г. отлично понимали это, предъявляя буржуазии все более радикальные требования экономического и политического характера. Призывая их к умеренности, Плеханов брал на себя довольно одиозную роль защитника буржуазии: от законных претензий и требований революционного пролетариата России, зачеркивая элементарные принципы марксизма и 40 лет своей пропагандистской деятельности. Плехановская публицистика 1917 г. могла только помешать развитию классового самосознания пролетариата.

Плеханов отводил главную роль производственным задачам пролетариата в условиях буржуазной России и выступал в роли покровителя капитализма, давая отеческие наставления как буржуазии, так и пролетариату. Через 20 лет после Струве он фактически призывал пролетариат пойти на «выучку к капитализму», хотя к 1917 г. несоответствие струвистской фразеологии Плеханова экономическим и политическим условиям оказалось еще более разительным. Между тем он с необычайной настойчивостью доказывал пролетариату России и в 1917 г., что ему следует признать свою некультурность и, отказавшись от борьбы за социализм, стать верным слугой русской буржуазии.

В противном случае он предсказывал экономическую катастрофу, голод и другие бедствия, если рабочий класс окажется слишком строптивым и предъявит буржуазии радикальные требования. Он упорно игнорировал тот факт, что в 1917 г. сама буржуазия активно подготавливала экономическую катастрофу своей политикой саботажа и локаутов, намереваясь, по выражению миллионера Рябушинского, задушить рабочее движение костлявой рукой голода. Плеханов все время твердил, что объединение «живых сил» революции полезно для нее. Но откуда следовало, что русская буржуазия 1917 г. являлась силой революции, да еще живой, творческой? Он тенденциозно повторял формулы далекого прошлого, не признавая того основного факта, что в XX в. уже наступила эпоха пролетарских революций и время революционных порывов крупной буржуазии давно миновало. Он угрожал рабочему классу России тем, что его политический радикализм вызовет разочарование буржуазии в революции, фальшиво утверждая, будто Рябушинские и в самом деле были очарованы ею. Воспроизводя политическую фразеологию XVIII в., он не попытался выяснить особенности экономической и политической ситуации в России 1917 г.

Корниловщина наглядно показала, что плехановское «начало политической премудрости» представляет собой продукт коалиционных иллюзий ренегатов и его «святая истина» относительно необходимости политического сотрудничества пролетариата с буржуазией — повторение лишь фразеологии новейшего либерализма. Он предупреждал кадетов относительно опасности их возможной коалиции с генералом Корниловым, хотя такая коалиция уже являлась для всех очевидным фактом. Он предупреждал пролетариат России относительно опасностей его политической изоляции от буржуазии, хотя последняя уже давно изолировала себя от лагеря революций и стала контрреволюционной силой. Плеханов выдавал устранение Николая II за проявление подлинной революционности русской буржуазии, хотя это произошло под давлением народных масс и было попыткой буржуазных партий откупиться за счет династии Романовых от настоящей революции. Поэтому коалиционные параллелограммы Плеханова оказывались слишком искусственными фигурами в геометрии политической жизни Рос-

сии 1917 г. Он строил эти параллелограммы на крайне шатком фундаменте кадетской фразеологии, утверждая, будто в эпоху пролетарских революций буржуазия может быть революционной силой в таких странах, где на очередь дня пролетариатом поставлены проблемы социализма. Все ирландские кошки его аргументации не могли помочь делу, так как классовая борьба пролетариата с буржуазией означала борьбу за торжество более прогрессивного способа производства. Он слезливо призывал русскую буржуазию к осуществлению широкой программы социальных реформ, доводя холопство оппортунистов II Интернационала до крайности. Превращение социал-демократии в умеренную партию социальных реформ Плеханов считал в 1917 г. вполне правомерным и шел в этом вопросе дальше того бернштейнианства, с которым воевал 20 лет тому назад. Характерно, что при этом Плеханов призывал рабочий класс России отложить осуществление даже требований относительно 8-часового рабочего дня на послевоенный период, хотя сокращение рабочего дня в России было совершенно неотложной задачей. Он советовал пролетариату жертвовать коренными интересами, между тем как буржуазию только уговаривал поддержать политику социальных реформ. Показательно, что реформизм и соглашательство английских тред-юнионов Плеханов считал нормой для политического поведения русских рабочих в революционной атмосфере России 1917 г.

На протяжении всего 1917 г. Плеханов упорно доказывал, что социалистическая революция в России повлечет за собой хозяйственную катастрофу. Однако события решительно опровергли эти капитулянтские прогнозы.

В. И. Ленин подверг экономическую платформу Плеханова в 1917 г. и вообще его взгляды самой резкой критике, квалифицируя ее как позорную измену марксизму и переход на позиции буржуазного либерализма.

Так, еще в своей статье «О двух линиях революции» (ноябрь 1915 г.) В. И. Ленин приводит рассуждение Плеханова о желательности «направить русскую революцию по восходящей линии», т. е. чтобы власть сначала перешла к кадетам и октябристам, потом к трудовикам, затем к социалистам», а пока что следует поддерживать кадетов. По мнению Ленина, это теоретическое рассуждение представляет из себя еще и еще один

образец подмены марксизма либерализмом и стремления Плеханова подделать Маркса под Струве³⁷.

Резкая оценка Лениным статьи Плеханова была вполне заслуженной, так как изложенные в ней «идеи» коалиционного сотрудничества с буржуазией Плеханов развивал потом в утрированном виде на протяжении всего 1917 г. и довел до абсурда.

Ленин решительно разоблачал демократические иллюзии Плеханова, который превращал в фетиш буржуазную демократию, считая ее окончательным решением политических задач России на долгий период исторического развития.

Так, в подготовительных материалах к брошюре «Государство и революция» В. И. Ленин писал: «Обычно понятия «свобода» и «демократия» считают тождественными и употребляют часто одно вместо другого. Очень часто вульгарные марксисты (Каутский, Плеханов и К^о во главе их) именно так рассуждают. На деле демократия исключает свободу. Диалектика (ход) развития такова: от абсолютизма к демократии буржуазной; от буржуазной демократии к пролетарской; от пролетарской к никакой»³⁸.

Бесконечные рассуждения Плеханова о демократии вообще лишь прикрывали его оппортунизм и нежелание поставить вопрос о диктатуре пролетариата на практическую основу.

В. И. Ленин отмечал, что Плеханов уклонялся от теоретической разработки проблем переходного периода, от выяснения прежде всего центрального вопроса о диктатуре пролетариата, особенностях нового типа государства и своеобразии его экономических функций. Ленин возмущался тем, что Плеханов и другие представители меньшевизма ориентировались на цитатологию и как начетчики давали чисто догматическое решение коренных вопросов русской революции. В работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» Ленин писал, что у меньшевиков имеется сколько угодно людей, знающих все цитаты из Маркса и Энгельса, но «ни один меньшевик с апреля 1917 г. до октября 1917 г. и с октября 1917 г. до октября 1918 г. ни разу не попробовал разобрать во-

проса о государстве типа Коммуны. Плеханов тоже обошел этот вопрос. *Пришлось, верно, помолчать*»³⁹.

Ленин дал отповедь демагогическим выступлениям плехановской газеты против его Апрельских тезисов и справедливо указывал на то, что Плеханов не понял исторического значения Парижской коммуны как прототипа нового государства пролетарской диктатуры и роли Советов 1917 г. как органов этой диктатуры. Между тем значение Парижской коммуны как особого типа государства, ее суть «забыли и исказили гг. Плехановы (прямые шовинисты, изменившие марксизму)...», — заявлял Ленин⁴⁰. Конечно, подчеркивал он, ренегаты марксизма вроде Плеханова могут кричать об анархизме, бланкизме и т. п., но ведь «Советы рабочих и т. д. депутатов *заведомо* есть прямая и непосредственная организация *большинства* народа»⁴¹.

В. И. Ленин высмеивал рассуждения Плеханова о культурных и организационных предпосылках социалистической революции, а также его апелляции к авторитетам II Интернационала. Ленин прямо указывал на несостоятельность точки зрения, развивавшейся Плехановым, будто экономическая программа социалистической революции не найдет поддержки народных масс России, прежде всего крестьянства, и квалифицировал плехановские страхи перед захватом власти трудящейся массой как измену подлинной демократии.

Как указывал Ленин, «это рассуждение г-на Плеханова—типичнейшее рассуждение кучки «бывших людей», называющих себя соц.-демократами». Даже большинство крестьян в России, писал В. И. Ленин, может поддерживать такие экономические требования большевиков, как национализация земли, слияние всех банков в один или переход синдиката сахарозаводчиков в руки государства, под контроль рабочих и крестьян⁴².

На самом деле, указывал Ленин, «власть Советов одна только может быть устойчивой, заведомо опирающейся на большинство народа, — как бы ни лгали лакеи буржуазии, Потресов, Плеханов и пр., называющие «расширением базиса» власти фактическую передачу ее

³⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 245—246.

⁴⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 20.

⁴¹ Там же, стр. 29.

⁴² Там же, стр. 163, 165.

³⁷ См. В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 378, 379.

³⁸ «Ленинский сборник», XIV, стр. 255.

ничтожному меньшинству народа, буржуазии, эксплуататорам»⁴³.

Наконец, В. И. Ленин точно определял классовую позицию Плеханова, решительно заявляя, что коалиционные иллюзии последнего отразили мечты мелкой буржуазии о «социальном мире». В. И. Ленин с возмущением отмечал заявление Плеханова в его газете «Единство» о том, что, уйдя из министерства, кадеты сделали «большую ошибку, облегчив ленинцам их работу». В связи с этим Ленин спрашивал: «Неужели трудно догадаться, что вместо политических наименований надо подставить классовые и что мы получаем тогда мечты мелкой буржуазии об исчезновении классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией?»⁴⁴.

Уже в 1917 г. В. И. Ленин раскрыл грандиозные возможности социалистической революции в России, которые отрицал Плеханов. Только Ленин правильно решил коренную проблему эпохи и указал пути исторического развития России под знаменем социализма. Его гениальные прогнозы вполне оправдались потом в грандиозных событиях, начавшихся под руководством большевистской партии в октябре 1917 г. и приведших к победе социализма на шестой части земного шара.

Позиция же Плеханова в 1917 г. оказалась ниже всякой критики, и потому совершенно нетерпимыми являются попытки некоторых авторов умолчать об этом. Плехановская публицистика 1917 г. представляет собой явный плод политической слепоты оппортунизма, смыкавшегося с контрреволюцией. Потресовские рассуждения о том, что в годы революции 1905 и 1917 гг. «фигура Плеханова-политика выростала вровень события», представляют собой обычную разновидность политической демагогии меньшевизма. Как в 1905 г., так и в 1917 г. Плеханов несомненно теоретически и практически оказался ниже событий эпохи, хотя в свое время и играл крупную роль в их подготовке. В 1917 г. он явно стоял по другую сторону баррикады.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции сделала безнадежной борьбу Плеханова с большевиками, показав вочью всю ошибочность его кон-

⁴³ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 341.

⁴⁴ Там же, стр. 153.

цепции. Плеханов фактически покинул арену политической борьбы. Старый полемист и ветеран русской революции оказался в смятении, так как ее события вышли далеко за рамки его планов и опрокинули последние. Правда, Плеханов всю первую половину 1918 г. был смертельно болен, но его молчание объяснялось не только этим. Ему пришлось умирать с «тяжелым сердцем».

В конце своего долгого и трудного пути революционера он потерпел фиаско, вступив с 1903 г. на путь меньшевизма, реформизма.

Личная судьба Плеханова подтвердила еще раз то, что он считал наиболее бесспорным: политическая борьба и допущенные в ней ошибки имеют свою логику. В обеих революциях 1917 г. он оказался не у дел и своей борьбой с большевизмом мешал победе социалистической революции. Оппортунизм меньшевика толкал его на путь буржуазного либерализма.

Но в истории русского революционного движения Плеханов сыграл исключительно важную роль в ту пору, когда он стоял на позициях марксизма. Он был пионером марксизма в России и высоко поднял его знамя в обстановке деспотического режима 80-х годов. Политическое падение, пережитое Плехановым в меньшевистский период, особенно в 1917 г., свело на нет его политическое влияние, однако не смогло зачеркнуть его заслуг перед рабочим классом России в двадцатилетие 1883—1903 гг. Семени марксизма, посеянные Плехановым в 80-х годах, дали свои плоды. Этим и определяется его выдающаяся роль в истории русской экономической мысли.